

ПАРАДОКСЫ ИДЕИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В конце XIX — начале XX века был создан ряд концепций философии культуры, в которых разные культурные типы признаются равными и различными. О. Шпенглер, автор одной из таких теорий, особенно подчеркивал, что разные культуры не имеют возможности влиять друг на друга, обладают разными «душами», взаимопонимание между которыми затруднено. Люди, принадлежащие к разным культурным типам, настолько по-разному смотрят на происходящее, что их мировидения можно назвать пребывающими в разных измерениях. Все, что они могут заимствовать друг у друга, — только материальные «памятники», но и те они всегда интерпретируют по-своему. Накопление знаний и умений происходит, но подлинное межкультурное взаимодействие невозможно.

Позднее К. Ясперс, предлагая иную модель описания истории, утверждал, что в какой-то момент, названный им «осевым», создаются условия для межкультурного взаимодействия и диалога. Этот момент связан с переходом от традиционного общества к рефлексивному. Здесь свободное мышление становится тем общим знаменателем, который позволяет людям разных культур и традиций находить возможности для общения. Однако эта модель предполагает, что до-осевые культуры неспособны к диалогу, возникает же диалог тогда, когда осевые культуры становятся сходными, приобретая единую общую черту — критическое мышление. В связи с этим возникает сомнение: и все же — возможен ли межкультурный диалог при условии подлинного различия культур? Или все взаимодействие сводится к механическому контакту, а там, где речь идет о понимании, не существует и различия?

Американский философ-аналитик Д. Дэвидсон, рассуждая об этом логически, приходит к выводу, что нет смысла вообще говорить о различии «концептуальных схем», определяющих мышление людей, потому что если мы

можем говорить о наличии другой схемы, то должны быть способны ее понять, но тезис о различии схем как раз и говорит о различии пониманий — то есть неспособности понять другую схему¹. Таким образом, существование «другой» концептуальной схемы гипотетически постулируется нами примерно так же, как кантовская «вещь в себе»: как и последняя, другая концептуальная схема непознаваема, и лишь предполагается, что она возможна. Видя, что некоторые люди ведут себя радикальным образом иначе, чем мы, мы можем предположить в них другой способ видения мира. Но с уверенностью утверждать, что это так и есть, мы не можем, ведь если мы вступим с ними в диалог, то в той мере, в какой мы способны общаться, мы оказываемся и сходными между собой.

Однако заметим, что Шпенглер в «Закате Европы» высказывает еще одну весьма неожиданную идею. Как известно, он пытался описать в этой книге существенные черты восьми выделенных им культурных типов. Эти черты проявляются в их мышлении, искусстве, техническом и научном осмыслении мира, представлении о пространстве и времени и т. п. Они различно воспринимают все стороны жизни и соответственно этому различию выполняют те или иные задачи, объективируют себя в тех или иных свершениях. И вот, рассуждая о западноевропейской «фаустовской» культуре, Шпенглер вдруг заявляет о существовании некой «последней великой задачи» этой культуры, вытекающей из ее внутренних свойств. Эта задача может быть осуществлена только в конце исторического развития культуры, на стадии дряхлости и распада, и все же она крайне существенна. Это «задача проникновения мироощущения не только своего собственного, но и вообще всех душ, в которых вообще до сего времени проявлялись великие возможности и чьим воплощением в области действительного являются отдельные культуры»².

Читая эти поэтичные слова, мы можем увидеть, что Шпенглер описывает

¹ Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы / пер. с англ. А. Л. Золкина // Аналитическая философия : избр. тексты / сост. А. Ф. Грязнов. М. : МГУ, 1993. С. 156–159.

² Шпенглер О. Закат Европы / вступ. ст. А. П. Дубнова, коммент. Ю. П. Бубенкова и А. П. Дубнова ; пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Новосибирск : ВО «Наука» ; Сибирская издат. фирма, 1993. С. 229.

как последнюю задачу поздней стадии европейской культуры то самое действие, которое он сам и начинает осуществлять: понимание и описание «душ» разных культур. Способность к такому описанию рассматривается им как проявление сущностных свойств этой культуры, как ее неизбежная судьба, встроенная задача. Он обнаруживает в ней мировоззренческую предопределенность к такому описанию. Фактически эту задачу Шпенглер видит в создании науки, исследующей культуры и межкультурные различия, — культурологии.

Что в европейской культуре делает осуществление этой задачи возможным? Ее «ищущий» характер, выразившийся, с одной стороны, в географических открытиях, в общемировой экспансии, в колониальной политике, в создании глобальной экономики — во всем, что привело к ужасам Первой мировой войны, в годы которой Шпенглер и писал свою книгу. С другой стороны, этот дух выражается в экспериментальной науке, в готовности к изменению научных концепций на основе получения все нового опытного знания, в готовности «фальсифицировать» результаты любых предшествующих исследований, в готовности постигать новое и в стремлении к нему. Также он выразился и в развитии критического мышления, в отказе от метафизики, в разрушении традиционного уклада жизни, в рационалистическом духе Просвещения, в релятивизме, в критике возможности установить нечто в качестве «абсолютной истины».

Эти столь разные проявления духа культуры приводят к тому, что мир унифицируется, но одновременно становится возможным признание различий: признание существования другого. В итоге другой может стать объектом дискриминации, эксплуатации, подавления, научного изучения, но даже в самых негативных проявлениях этого процесса наблюдается тенденция к одному: к признанию его *инаковости* и отказу от подведения этой другой формы жизни под общий знаменатель с нами. Другой получает право или даже обязанность быть другим, несводимым к нашим стандартам мировидения, даже если в итоге он осуждается и дискриминируется.

Однако для подлинного взаимодействия и понимания культур, признающих инаковость друг друга, нам недостаточно одного лишь релятивизма и критического признания различий. Во-первых, различия лишь различают (противопоставляют, отчуждают) культурные типы один от другого. Во-вторых, различия, по крайней мере с точки зрения Шпенглера, свойственно наблюдать лишь одной культуре. Этим предполагается противопоставление культуры, которой свойственно видеть и признавать различия, культурам, для которых это несвойственно. Естественно, первая в таких условиях «обречена» на доминирование. Противопоставление делает невозможным реальное взаимодействие. Чтобы взаимодействие стало возможным, к наблюдению и пониманию различий должно прибавиться их стирание: ведь признание должно сделать другого действительно равным, а не подчиненным, не уступающим, не раздавленным превосходством признающего. Если культуры, которым несвойственна открытость пониманию другого, обретут способность к таковой открытости, то они просто станут такими же, как западная культура, а значит, будут полностью ею подавлены и уничтожены. Как же сохранить инаковость (а это именно то, к чему стремятся поборники национального возрождения, сохранения и развития культурных различий) и в то же время стать способными к взаимодействию?

Современное, так называемое «постмодернистское» состояние культуры часто характеризуется через тенденцию к смешению, стиранию границ, тотальному релятивизму всех моральных и мировоззренческих установок. Но, возможно, именно эти черты больше всего содействуют достижению бесконфликтного взаимодействия культур. Само подобное смешение может быть достигнуто только как итог и результат признания различий. Цель же состоит в том, чтобы устранить дискриминирующий момент противопоставления, одновременно подчеркивая и сохраняя различия; обеспечить взаимопроникновение, одновременно устанавливая несходство; наладить диалог без того, чтобы унифицировать субъектов этого диалога на основе единого способа мышления. И главное — устранить возможность

доминирования и подавления со стороны «понимающе» настроенной культуры. Возможно ли решение такой задачи? К каким результатам это может привести?

Мы видим весьма пугающие тенденции развития современного общества. Ощущение кризиса, упадка культуры, разложения — следствие этих тенденций. Сложившаяся ситуация парадоксальна и внутренне противоречива. Можно наблюдать кризис ценностей, сформулированных однажды западным критическим мышлением и сделавших возможной мысль о диалоге. Развивается идея мультикультурализма, порожденная этими ценностями, и одновременно они приобретают черты диктата (вроде насильственного навязывания принципов толерантности и свободы).

Но прежние варианты решений не могут нас больше удовлетворить: ни возврат к традиционной структуре общества, где замкнутые культурные образования не признают никаких способов жизни, кроме своего, ни однозначная и холодная доминанта критического мышления, некогда развитого западной культурой до уровня организации глобального пространства. Если эти варианты не являются удовлетворительными, мы можем лишь надеяться, что в плавильной печи современности неким чудесным образом крайности различия/смешения преобразятся и дадут на выходе ростки принципиально нового состояния сознания, в котором диалог и общение станут возможны между теми, кто полностью различается, а чужую концептуальную схему можно будет осознать как действительно чужую и вступить с ней в коммуникацию. Хотя это состояние полной антропологической метаморфозы может выглядеть скорее как эсхатологическая утопия, тем не менее хочется надеяться, что, если такая возможность осуществится, то это произойдет без апокалиптических катастроф.